

Доброе сердце и острое перо

После выхода в свет в бовь» газета «Брянский рабочий» выступила с большой статьей Бориса Привалова «Когда прихо-

дит успех», в которой опытный сатирик высоко оценил творчество своего младшего собрата по перу. В этой же статье Борис Привалов говорит и о предвдущей книжке К. Минькова — повести «Похождения Синекурова», вышедшей в 1957 году, и приводит слова другого сатирика: «Известный знаток смешного Михаил Зощенко незадолго до смерти писал о повести «Похождения Синекурова»: «...Миньков имеет значительное литературное дарование, и писать он будет весьма хорошо».

Всем своим творчеством Константин Миньков оправдал эти надежды. Когда бы ни были изданы его книги, в пятидесятых или

восьмидесятых годах, и где бы они ни выходили: в Брянске, Туле или Москве, они в равной мере злободневны и вызывают смех и добрую улыбку.

Константин Иванович Миньков родился 23 апреля 1923 года в Клетне. В 1941 году был призван в Советскую Армию и направлен в авиашколу. Войну начал в Подмосковье и закончил на Эльбе. За активное участие в боях награжден орденом Красной Звезды и медалями. Заметки, стихи и очерки о своих товарищах по оружию начал писать на фронте, печатался в армейских газетах. На фронте в 1944 году вступил в члены КПСС. После увольнения в запас при-

шел работать в отдел культуры «Брянского рабочего» и с тех пор, вот уже более 35 лет, его фельетоны и юмористические рассказы печатаются на страницах газеты.

Рассказы и повести Константина Минькова своим воздействием направлены на человеческие чувства так, что призывают читающего заглянуть в свою душу.

В этом году Константин Иванович отмечает сразу три «круглых» даты — 25-летие членства в Союзе писателей СССР, 35-летие журналистской работы и 60-летие со дня рождения. Сердечно поздравляя его с этими юбилеями, желаем Константину Ивановичу крепкого здоровья и большого личного и творческого счастья!

В. ПАРЫГИН.

Константин
Миньков

60 лет
со дня
рождения

Из рассказов о детстве

В ЦЕНТРЕ поселка стоял небольшой, с одной металлической трубой лесопильный завод. Он шумел с незапамятных времен, превращая кражи в доски, бруски и прочее, что называлось пиломатериалом.

За долгие годы рядом с заводом выросла огромная гора опилок. Они побурели от времени, слежались так плотно, что и лопатой не возьмешь. Рядом вырастали новые горки, в отличие от давней — белые, рыхлые, с густым, смолистым ароматом леса. Эти опилочные горы были излюбленным местом игр ребят со всех прилегающих к заводу улочек.

Старые опилки иногда куда-то и неведомо для чего возили. К заводу подходил железнодорожный тупичок. Сюда подкатывали вагоны под погрузку. Когда выбирали опилки, то образовывались обрывы, пещеры. Ну где еще найдешь лучшее место для всяческих забав! Зимой тут были и лыжные и саночные спуски на лысый вкус — пологие, крутые, а хочешь, так и с трамплином.

Летом разворачивались сражения между «казачками» и «разбойниками», с победным криком носились «чапаевцы». Благо, любые доски были под рукой — выстреливались сабли, кинжалы, пики и прочее оружие.

Дом, в котором жил Вадик, находился на отшибе от улиц, на территории завода. Отсюда был полнейший обзор горы. Стоило только Вадика выйти за калитку, пристально понаблюдать, и он уже мог сказать, где собралась компания, даже безошибочно предположить, чем таком-

пания занимается.

В довольно большой уличной ватаге Вадик ничем особым не выделялся.

НО ОДНАЖДЫ произошло событие, которое сделало Вадика, скажем прямо, героем дня. Даже самые старшие, самые отчаянные смотрели на него с уважением. А случилось это вот как.

Покорителями высоты, как известно, называют тех, кто взберется на гору.

Но, разумеется, о трудных высотах на заводских опилочных горах не могло быть и речи. Какие уж там высоты! И сами собой родились состязания как бы наоборот: кто с наибольшей высоты спрыгнет. Для этого обрывов тут было хоть отбавляй. Но прыгуно называли так же гордо — покорителями высот.

С некоторых пор появилась одна непокоренная высота. Тут совсем недавно выбрали несколько вагонов опилок и образовался такой обрыв, что к нему даже подходить не все решались. Высота — с двухэтажный дом. О прыжке тут разговор почти никогда не заводили. А если он возникал, то его старались поскорее забыть, потому что понимали — пустой разговор. Покорители же — чемпионы — старались делать вид, что и могли бы

«взять», но нету никакого желания.

И вот как-то собралась неподалеку от того самого обрыва почти вся ватажка — и мальчишки, и девчонки. Сидели, обласканные не очень жарким утренним солнцем, вели речи о самом разном, но более или менее значительном. Потому что перед девчонками просто так молотить языком — не в мальчишеских правилах. И, конечно же, заговорили о смелости и отваге. Разговор шел вроде бы вообще, но каждый старался припомнить случай, где он эти качества проявил: то ли положил на

Нюрке? Она, конечно, права. Кому охота руки-ноги переломать! Ведь не один раз уже прикидывали.

И вдруг раздался негромкий голос:

— Я прыгну!

Голос принадлежал Вадиду. Он и сам не знал, как это у него вырвалось. То ли хотел пошутить, то ли подразнить кого-то... Как бы там ни было, но все обернулось к нему, как бы желая уточнить: а не ослышались ли? Вадик всм своим существом почувствовал недружелюбие окружающих, стоял, смущенно и виновато улыбаясь.

— Держите меня! — хо-

точнок в глазах был неподдельный ужас.

Страх... Страх, которого с такой силой Вадик никогда ранее не испытывал, сжал его, сковал. Вадик чувствовал, что в спину ему уперлись взгляды ребят — ожидающие, напряженные.

Вадик сделал полшага назад, вроде отступая, но оттолкнулся и полетел вниз. Кто-то из девчонок ойкнул.

Удар при приземлении был сильным. Но все бы кончилось хорошо, если бы Вадик учел одно обстоятельство. В последний момент ему нужно было чуть раздвинуть колени. Но это он понял потом. А сейчас он губами, зубами стукнулся о коленку. Медленно поднялся, глянул вверх, на сгрудившихся у обрыва ребят и почувствовал солёное во рту. Приложил к губам руку... Кровь! Сразу пришло сознание, что случилась беда, и Вадик бросился к дому.

Однако большой беды не было. У калитки его встретил отец.

— Допрыгался! — и дал чувствительного шлепка.

Вадик так и не понял, за что получил подзатыльник. Ведь он сдержал слово, он прыгнул! Прыгнул первый!

Оказалась немного рассеченной губа. Отец заставил прополоскать рот марганцовкой, и кровь остановилась. Через полчаса, с припухшей губой, Вадик уже взбирался на гору, где его ожидали ребята. Товарищи смотрели на него с нескрываемым восхищением.

— Очень больно? Страшно было? — посыпались вопросы.

— Совсем и не больно! — с достоинством отвечал Вадик.

Он, понятно, ничего не сказал ребятам, как трудно было преодолеть страх.

К. МИНЬКОВ.

НАД ОБРЫВОМ

лопатки сильнее с соседней улицы, то ли переплыл два раза речку без передышки, причем под проливным дождем, или свершил еще что-то в этом роде. Девчонки слушали эти рассказы, глядя на героя то с восторгом, то с недоверием. Только Нюрка — заводила среди девчонок — отнеслась ко всему услышанному вроде бы со смешинкой. Глаза ее хитровато поблескивали, как будто говорили: давай-давай, раскрасивай, я-то знаю, что все было не так. А потом, хихикнув, сказала:

— Ох, какие все храбрцы! Как в сказке про храброго зайца!

И показала рукой на обрыв:

— А туда никто не прыгнет!

хотнул кто-то из старших.

Другой тихо и протяжно свистнул.

— Тоже... Выискался...

Нюра смотрела на Вадика испуганно. Он увидел этот испуг, и в голове мелькнуло, что сказал слово зря. Вадик нерешительно переминался с ноги на ногу. Какая-то виноватая улыбка, вся его фигура выдавали сматение в душе, и ватажка уже готова была поднять Вадика на смех. Но тут он медленно пошел к краю обрыва. Собственно, до края было всего несколько шагов.

ВАДИК понимал, что отступить поздно. Если бы еще не девчонки, не Нюра, можно было бы признаться, что струсил. Вадик глянул вниз, и страх перед высотой холодком пробежал по телу. «Отойди!» — шепнул какой-то внутренний голос. Все, затаяв дыхание, смотрели на невысокую, шуплую фигуру Вадика, у дев-